

В. А. Кошкин
М., 1917

Соборъ, соборность, приходъ и пастырь ¹⁾.

Введение.

Дѣйствительно ли русская церковь дремлетъ потому, что у ея пеголовья не стоитъ пмьонциі ея постоинно будить патриархъ, и что нѣтъ соборныхъ періодическихъ заведѣній: и дѣйствительно ли она не имѣетъ въ народѣ должнаго значенія потому, что приходъ имѣетъ правъ юридической личности? Эти положенія появились „почти какъ анекдоты“: и если есть, де, о чемъ спорить, то развѣ о подробностяхъ. Но дѣйствительно ли „тѣло церковное“ называется оттого, что нѣтъ патриарха, нѣтъ постоиннаго функиціонерующаго соборнаго институтъ, и что ноги онаго такъ шатки потому, что приходъ не можетъ приобрутьвать имущество на свое имя и распорядкаться храмомъ, какъ собственностью, и выпирять священниковъ—этого доказать еще никто не пробовалъ, а общенароднаго голоса въ этомъ смелѣтъ не раздалосъ. Единственное, что за послѣднее время было ясно и точно выдрано „Пастырь добрый“ и жено народомъ по церковному дѣлу, это то, народная нужда въ что народъ создавать для себя необходимыхъ имѣтъ *пастырей добрыхъ*, т. е. такихъ, какіе соотвѣтствуютъ его о пастырѣ представленію, полагающихъ душу за овцы, и это выраженіе было добыто не гологованіемъ, а проявлено просто въ безпримѣрной всероссійской извѣстности и славѣ о. Іоанна Кронштатскаго. Извѣстность его и слава, конечно, не могутъ объясняться ни чудесами, но они относятся только къ меньшинству изъ привлеченныхъ къ нему лично или „инямъ, ковеннымъ путемъ: громадное большинство его почитателей чудесъ и исцѣленій у него

¹⁾ Заимствовано изъ статьи Д. А. Хомякова „Соборное завершение и приходская основа церковнаго строя“, написанной въ 1906 г. въ году.—Звѣздице и подзаголовки принадлежатъ редакціи.—Ред.

не просило и не искало таковых; его благоговейность была не причиной, а последствием прихода къ нему жертвъ отъ уже отъшедших его православныхъ. Объявила его, охватывая всю Россію, глава только тѣмъ, что народъ, въ-каміи нишій себѣ пастыри идеальнаго и въ немъ полагающій суть церковнаго строя, внезапно услыхалъ, что такой пастырь явился, и онъ въмъ сердце бросилъ къ нему, чѣмъ и показалъ, что онъ нить разрышенія всего для церкви нужно въ исправленіи наиболее слабого пункта. Нашло церковнаго обихода: онъ пишетъ пастырь себѣ. Иначе сказать, въ Россіи весь церковный вопросъ вращается около этого жиного средоточія. Но что для церкви просецювъ? Исно, то, повидимому, скрыто отъ „предудрыхъ и разумныхъ“. У насъ въсто постановки, на основаніи народнаго приговора, вопроса о томъ: „да какъ бы вызвать къ жизни побольше отцовъ Иоанновъ?“—точасть рѣшилъ, что, де, необходимо реформировать высшую церковную администрацію; а въ отвѣтъ раздалъ голоса, что, де, снисане въ приходѣ, облегченномъ правами юридическаго лица. Небольно приходъ дитъ на мысль существующее сопоставленіе вопросовъ: если бы въ болышинствѣ русскихъ приходовъ явились настоятелями достойные послѣдователи св. Сергія Радонскаго, св. Серафима Саровскаго и о. Іоанна Кронштадтскаго, оживилась ли бы церковная жизнь въ нашихъ приходяхъ, городкахъ и сельскихъ, а сльдовательно и въ коммунскихъ—сирдяхъ и во всей Русской Церкви? Мѣрь представляется, что отвѣтъ долженъ быть положительный. Ну, а что же получается, если, въсто наибольшаго Счюда и его порядковъ, до безприваго Прихода включительно, явится помѣстный Помощь ли Церкви Соборъ съ патриархомъ, и весь приходъ отсутствіи соборнаго ратятся въ юридическія единицы? Что это, духа въ Церкви. дѣйствительно, притечерешнемъ церковномъ персоналѣ, при теперешнемъ вѣтомъ духѣ, дастъ церкви и жизнь и дѣятельность—позволительно въ этомъ сомнѣваться, и вотъ на какихъ основаніяхъ: управленіе церковью и ея чеченная организация послонно видоизмѣняются: первое—въ отпощеніи точности осуществленія основнаго каноническаго канона, а вторая—въ смнствѣ бодрости или меньшей незысимости чеческъ; и, данаго, слава ли возможно доказать, что корретныя формы давали всегда желательные результаты. Напримѣръ, говоря о соборномъ началѣ: далено не вездѣ соборный строй выдерживался строго, и менѣ всего, пожалуй, въ древней Россіи. Однако древняя Русь, хотя и похвалялась самымъ несовершеннымъ церковнымъ управлениемъ,

1) Особенно, если бы во главѣ епархіи стали достойные наследники Исихона Задонскаго, Митрофана Воронежскаго, Димитри Ростовскаго и т. д.

и сохранила въ себѣ вѣры такъ много, что даже теосоточно явиться пастырю истинно по сердцу рускаго вѣра Россіи обращается къ нему свои взоры и отдалъ себя въ его волнелствю 1).

ролъ, думаемъ мы, покажутъ, истинночательно пишетъ въ зи духовной стороне ея дѣятельности: онъ бодрѣ признаніи Церкви мистической и даже нѣскольکو, молитва, умаляетъ значеніе церкви—организации, церкви мой (въ чѣмъ, пожалуй, заключается основное отличіе „народнаго“ православія отъ старообрядческаго); тогда правая церковь сферы, въствѣтъ съ церковной инлигенціей, конечно не забывая о мистической стороне дѣви, вырабавали свой особый шаглупунитъ, при которомъ аннация церковной внпимой жизни получила окраску дѣе свойственную культуру самихъ этикъ высшихъ церковныхъ слоевъ, которые суть въствѣтъ и стон общецультурде—плоты культуры западной съ ея наклонностью къ орумъ бодрѣ выраженной, чѣмъ каковой обладаетъ простой русской челоувѣкъ. Хотя этикъ простыхъ людей и бодрѣ, чѣмъ интеллигентовъ, тѣмъ не менѣе, видимаго, послѣдніе дали „свою“ окраску дѣлу „церковнаго обновленія“; и намъ приходится считаться съ этимъ возобладавшимъ теченіемъ, которое мы можемъ бы влодѣть законнымъ, если бы оно нло только духа обо руку съ тѣми дѣйствительно чисто церковными запросами, которыми живетъ простой православный людъ, этотъ главный (по числу и по непосредственности) хранитель благочестія, какъ выразились нѣкогда восточные теархи въ извѣстномъ отвѣтъ ихъ папѣ Пію IX 2).

1.

Соборъ и соборность.

Точка отправления для желанія возсоздать соборное управление находится какъ въ исторіи Церкви, начинающейся

1) Да не подумаетъ читатель, что пишущій эти строки самъ идеализаторъ до крайности кронштадтскаго пастыря. Даубоко что это личная высьи качества, мы здѣсь беремъ его только какъ символъ, а не дѣлаемъ ему личной оѣнки, которой еще не пришло время.

2) Истинная Церковь, для которой не страшно врата ада, всегда себѣ вѣрна, каковы бы ни были ея внѣшнія судьбы. Вотъ, вылился изъ пути истовы В. Г. Варскаго, въ которой необыкновенно живо выражена эта вѣра, которой дай Воль намъ вѣсть побольше ильтъ.

„Церковь Христова... никогда же ни отъ кого же предодѣйна была, ниже бутье“. Стоить бо недвижимо, аки гора, красится красотою, аки невѣста, сияеть въ свѣтъ міръ, аки солнце, сияти на благи и злыя, пре-

господь, рьяноцизмъ или совънцательнѣмъ, совѣмъ не важно. Но если поставить соборное дѣланіе на почву „уртъ и шаровъ“, тогда, конечно, вопросъ дѣлается острымъ, и мирѣе будутъ настаивать на формальномъ участіи въ соборы. Что теперь такъ горячо именно объ этомъ толкуютъ, это самое служитъ печальнымъ признакомъ отсутствія въ большинствѣ современнаго церковнаго общества соборнаго духа, а безъ этого, конечно, форма соборности никому не принесетъ пользы, а еще болѣе дѣду надрежетъ, внеся въ церковную жизнь „железнодобіе“ чего-то очень почитаннаго и почти священнаго, въ своемъ исполненіи вѣдь, и не почитаннаго и тѣмъ менѣе священнаго, въ исполненіи. И тѣмъ болѣе въ соборность эту будетъ внесено выработки и утонченности технической, тѣмъ будетъ хуже. Безъ патріарха, избраннаго Соборомъ, можно обойтись; но горе, если насъ заведутся патріархи, избранные большинствомъ. Да и отъ вселенскихъ рѣшеній соборовъ, вышедшихъ не изъ общинности о Духѣ, а изъ баглотропочнаго эпископа, хотя бы и окруженнаго уснополью,—и отъ нихъ храни насъ Промыслъ!

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что основа соборности, этого столь важнѣйшаго вида проявленія церковной жизни и церковнаго самосознанія, напредвѣннаго на благоусовершеніе жизни Церкви въ ея видимой части, должна быть некоемъ не въ законодательнѣмъ о такомъ или иномъ сознаніи такъ или иначе организованнѣмъ соборомъ, а въ обнаруженіи духа единенія, во имя церковнаго интереса, въ самомъ народѣ церковномъ, въ которомъ живъ, конечно, но живъ прикровенно этотъ духъ единенія, только напредвѣннѣмъ болѣе на истинскія, тѣмъ на бытовья, церковныя дѣла. Церковь истинскія дѣлается всегда соборне, въ высшемъ смыслѣ этого слова, но, конечно, жедательно, чтобы эта высшая соборность проявлялась и къ потребностямъ Церкви видимой въ ея земномъ проявленіи. Начало этому, конечно, надо положить въ самой народно-церковной жизни и, восходя отъ нея, доходить до соборности всецерковной. Впрочемъ, это чувство, очень важное само по себѣ—и навѣдо въ 70-хъ годахъ (особенно горячо выступилъ Д. О. Самаринъ) многими лучшими людьми изъ мѣрнѣе на мысль о томъ, что вся церковная перестройка должна начинаться съ прихода; это „де“ ячеика всего церковнаго организма. Теперь же эту мысль выдвинули впередъ и поставили на одну доску съ вопросомъ о соборахъ предлагающеи, если можно такъ выразиться, церковной демократичности.

Приходъ и Церковь.

Весь нѣмнѣи устоя Церкви, по ученію этого Реформа православнаго прихода въ со-
ронниковъ приходской автономіи, должны
нахождатся въ приходскихъ единахъ, снаб-
женнѣмъ правами широкаго самоуправленія,
какъ по духовной части, такъ и по имущественной, доведен-
ными въкоторымъ до права самообложения. Между сторон-
никами приходскаго переустройства есть много градациі по-
ниманія, сходится же въ правъ прихода избирать свя-
щенниковъ, конечно не безъ высшаго контроля епископа,
утверждающаго или не утверждающаго выборы, но съ воз-
можнѣмъ ограниченіемъ „іерархическаго произвола“, и, осо-
бенно, на признаніи за приходомъ правъ юридическаго лица,
со всѣми имущественными правами и съ обращеніемъ храма,
какъ недвижимости, въ собственность прихода, имѣющаго
вѣдать свои интересы, и духовныя и матеріальныя, поряд-
комъ коллегіальнымъ, въ которомъ пресвитерство сводится
на нѣчто очень несходное съ точнѣмъ смысломъ его кон-
наго наименованія, а съ уваженіемъ и его началнаго при-
званія.

Приходъ въ Древней Основной вопросъ составляетъ и зѣмь,
Церкви, какъ и въ вопросѣ о Соборѣ (что есть собор-
ность)? что собственно должно почитаться ячеикой всего
церковнаго зданія? Конечно, отвѣчаютъ многие,—приходъ! и
этотъ отвѣтъ повторяется, какъ ахо. На чемъ такое утверж-
деніе основано? Одно несомнѣнно, это то, что исторія Цер-
кви этого взгляда не подтверждаетъ. Самыя первыя мѣстныя
группы христiанскія, какія намъ повѣстны оформленными, —
ибо мы въ сущности не знаемъ, какъ были организованы
христiанскія общины самыхъ первыхъ времѣнъ внутри себя, —
являются апокалиптичскія семь церквей, съ ангелами—эпи-
скопами во главѣ. За симъ мы знаемъ, что первоначально
пресвитеры были лица, группировавшіяся вокругъ епископа.
Такъ называемыя „домашнія церкви“, конечно, ничего общаго
съ приходомъ не имѣли и, конечно, не послужили основой
для приходской организаціи. Кажется, что приходъ прежде
всего началъ образовываться въ нашемя, настоящемъ, смыслѣ
въ Римѣ, но все-таки выдѣленіе ихъ въ самостоятельныя
общины едва ли было сколько-нибудь древнее; и тамъ хо-
зайничать въ экономическомъ отношеніи все-таки епископы,
и во время гоненій, да и послѣ, когда имуществу римской
церкви достигло такнхъ провалтѣхъ размѣровъ, какъ, напр.,
при Григоріи Великомъ. Такимъ образомъ приходская орга-

низація, по существу, не имѣетъ историческаго права на существованіе, а является искусственнымъ учрежденіемъ, порожденнымъ идеями, которые не имѣютъ историческаго оправданія. Если же мы хотимъ, чтобы приходская организація была истинно церковною, то мы должны обратиться къ исторіи ея возникновения. Мы знаемъ, что въ Римѣ приходская организація возникла въ IV вѣкѣ, когда епископы начали делить свои общины на группы, руководимыя пресвитерами. Эти группы были не самостоятельными общинами, а частью общины епископа. Такимъ образомъ приходская организація является искусственнымъ учрежденіемъ, порожденнымъ идеями, которые не имѣютъ историческаго оправданія. Если же мы хотимъ, чтобы приходская организація была истинно церковною, то мы должны обратиться къ исторіи ея возникновения. Мы знаемъ, что въ Римѣ приходская организація возникла въ IV вѣкѣ, когда епископы начали делить свои общины на группы, руководимыя пресвитерами. Эти группы были не самостоятельными общинами, а частью общины епископа. Такимъ образомъ приходская организація является искусственнымъ учрежденіемъ, порожденнымъ идеями, которые не имѣютъ историческаго оправданія.

пизации едва ли когда-нибудь составляла живую ячейку, и Приходъ и Церковь органически ячеика должна быть, какъ во взаимоотнояхъ, всекъ живомъ, отяжена велики элементами завершенности въ себя самой. Такая завершенность предстаетъ только въ такой единицѣ, которая есть, такъ сказать, микрокосмъ; отъ соединенія микрокосмовъ получается макрокосмъ. Такая единица безъ первоначальнаго завершения, епископа, немыслима. Первоначально даже церковныя таинства совершались епископами, и только по его улобно-мочью—пресвитерами. Такимъ образомъ, идея ячеики разурпашеть не приходитъ съ іереемъ во главу; это явление не исключное, и во всякомъ случаѣ никогда приходы не претядовали на иное что-либо, какъ только на удовлетвореніе практическимъ потребностямъ богослуженія и той группировки, которая вызывалась и вызывается условіями обитанія со-вмѣстнаго.

Намъ думается, что для вѣрнаго принципіальнаго опредѣленія значенія прихода необходимо сморать на него съ точки зрѣнія такъ или иначе понятаго практицизма, т. е. опредѣлять его возможную полезную самостоятельность по умозрительнымъ соображеніямъ; надо сначала выяснитъ себя его мѣсто въ церковной жизни, съ точки зрѣнія пониманія самой идеи Церкви: тогда можно будетъ точно сказать, какую роль онъ можетъ играть въ церковной жизни, не рискуя сойти Приходъ, какъ *на катитъ*, съ одной стороны, или разлитъсь ние въ общей благо- до роли, допустимой лишь, напр., въ пре-датной жизни Церкви, евангельской организации. Прежде всего надо поставить вопросъ: есть ли приходы явление положе-тальнаго характера, связанное съ идеей Церкви, въ ее основъ, или, наоборотъ, явление т. е. отрицательное, вносилее въ идею церковности идеальной ноту земного несовершенства. Такъ какъ приходы, какъ историческій фактъ, не возводятся до первоначальныхъ срашнптъ церковной исторіи, чьмъ онъ, какъ явление, совершенно отлпчнть отъ Собора, то мы мо-жемъ смѣло сказать, что онъ явление протого бытовое, исто-каднее изъ условій человѣческаго обихода, не допускающаго формальнаго, выдмалаго объединенія въхъ во вѣршней жизни. Онъ именно есть выдмалое выраженіе фактической невозможности формальнаго соборования всей Церкви, какъ бы отве-ченно этого ни желать: въ „единоклеточные о Христвъ“ не могутъ быть объединены фактически, какъ одну минуту обь этомъ мечтали первые иерусалимские христиане, учредившіе у себя даже общность имущества. Языкъ налагаетъ невольное необходимость образованія группъ; но это образованіе от-дѣльныхъ группъ есть именно явление земного несовершен-ства, и можетъ быть „лишь терпимо“, поскольку оно можетъ

Приходъ и единство итти рука объ руку съ основною идеей един-Церкви.

ства, а не обращено въ начало о *себѣ доаль-моще*. Въ нѣчто о *себѣ жегитимльное*. Въ сущности, въ Церкви все, что не безусловно согласно съ идеей единства, даже вѣршннго, есть только земной мнущъ, вносимый въ высшую основную идею—христианскаго единства; идея церковной, это—„одно стадо и одинъ Пастырць“, и поэтому, до нѣкого-рой степени, папизмъ стоитъ на почвѣ правильной: въ этомъ его и сила, и если онъ доходить въ своемъ проявленіи до квази-кощунства, то это лишь потому; что онъ самъ—плоть, такъ сказать, материализации духа, стремленія осуществитъ на дѣлѣ, на землѣ то, что можетъ быть осуществлено лишь, когда человѣкъ отрѣшится, а пока—только насильно отъ отрѣшается, отъ узъ плоти. Но „въ игель“ эта усиленная по-требность единенія, конечно, менѣе противна идее христиан-скаго строя, чѣмъ такова же возможнаго обьидивидуаге-нія какой-то группы вѣрующихъ, сходящихся, лишь по зем-нымъ случайностямъ, въ навѣстномъ пунктѣ—храмѣ. По-скольбу еще идея жива, что этотъ храмъ есть принадлеж-ность всей Церкви и ее выражаетъ, а не есть собственность этой случайной группы, сходящихся въ ней молится до-дей, что въ этомъ храмѣ, символизирующемъ именно идею всецерковности, въ равни, прихожане и неприхожане, по-скольку приходскій храмъ, съ его бытовальмъ приходомъ, не нарушаетъ высшую идею. И дѣйствительно, не такъ ли сморитъ на этотъ вопросъ любой вѣрующій „простецъ“? Когда онъ несетъ свою лепту въ церковь, онъ именно несетъ ее въ „Церковь“, а не въ каску специально того или другого храма. Что это такъ, тому доказательство то, что промалное большинство опускаетъ свою лепту совершенно безразлично, въ какую бы церковь онъ ни полагъ: онъ жервуетъ на „Церковь“, и въ какой-то церкви онъ себя считаетъ такимъ же прихожаниномъ, пока онъ въ ней молится, какъ и такъ называемый форменный прихожанинъ. Церковь т. е. терпнть приходъ, а не возводитъ его въ нѣчто „о себѣ цѣльное“. И, конечно, разъ Церковь земная кипеть въ условіяхъ про-странства и времени, она и считается съ этими условіями.

Отношеніе Церкви къ давалъ имъ то значеніе, которое они игра-приходу и къ семей-ютъ въ нашей жизни, какъ нѣчто неиз-ному началу. Обычное—„но не болше“. Параллель довольно тощую, для уразумѣнія отношенія Церкви къ неизбѣжному группированію вѣрующихъ по приходамъ, мы можемъ найти въ отношеніи Церкви къ семейному началу. Апостоль въ гово-рится, что, кто не заботится о близкіихъ, тотъ заслуживаетъ порцанія; Христосъ и Церковь благословляютъ бракъ, и тѣмъ, конечно, утверждаютъ и поствѣтвие его—семью, но, рядомъ съ этимъ, христианство вселчески типнтся ввести се-

Мейнью жизнь въ возможно скромные предѣлы, постоанно напоминая, что она должна успевать первенствующее мѣсто, занимаемое ею догдоть въ языческомъ мірѣ, высшему началу единения о Христѣ, единенію, передъ которымъ семейное начало должно сходить на второй, дальній планъ. "Не найдите никого оптомъ"! "Кто мать Моя и братья?" И такъ, во всей исторіи христіанства, вы постоанно видите, какъ мало мѣста отводится, такъ сказано, алгоголіи семейности. Семья есть явленіе, истекающее изъ условій земной жизни, и потому настолько естественно императивно, что ее не поощрять, а умѣрять нужно, съ тѣхъ поръ, какъ у чедовѣчества родилось предстваненіе о единствѣ высшемъ вѣхъъ въ Богѣ и Христѣ. Тоже и въ дѣлѣ образованія естественныхъ бгговныхъ группъ въ Церквях. Не поощрять ихъ дальнѣйшую выжонность, присущую всякой естественной группѣ, къ большому и большому обособленію, а, наоборотъ, напоминая постоанно, что онъ лишь явленія физическія—непобѣдимая и существующія, такъ сказать, въ ущербъ высшей идеи единства: вотъ что по отношенію къ почитанью ультра-приходофильовъ должна говорить Церковь, указывая при этомъ на то, что хотя нѣкоторые и находятъ, что приходская дѣятельность, почти нечерпывающаяся единеніемъ въ молитвъ, не совершенна недоразумѣніе: ибо, по ученію Еврейскому, нѣтъ ничего выше единенія молитвеннаго: "Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я пореди нихъ" (Мѣ. XVIII, 20). **Приходъ, какъ центръ** "Что попросить у Бога совѣстно, то будеть молитвеннаго единенія". Чего же искать и желать большаго? **Молитвеннаго единенія**. Приходскій храмъ и естественное приходское единеніе даютъ возможность осуществитъ то высшее, къ чему только можетъ стремитъся христіанинъ, и поэтому высшая задача приходской совѣстной жизни, подъ руководствомъ добраго пастыря, должна быть именно эта: *возможное всаимное молитвенное возрваніе другъ друга*. И на этой почвѣ, конечно, приходъ не рискуеть обостритъ въ себя тотъ индигуалитетскій зародокъ, который такъ опасенъ въ отдѣльныхъ лицахъ и въ обществахъ, которыя не подчиняютъ его постоанно высшему началу единства. Жизнь прихода—общеніе въ храмѣ и единеніе въ молитвъ,—что, конечно, вовсе не исключается возможности нѣкоторыхъ функций, напр., благотворительности, обученія и др., которыя могутъ почитаться практическими резултатами молитвы истинной. **Приходъ, еменель** и Приходъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть **молитвенна церковь**. средоточіемъ именно молитвенной жизни Церкви, въ отличие отъ той, "всесторонне объединяющей единицы", во главѣ которой поставлено лицо, *снбдженное даромъ благодати "пастыи церковь" во всякъ ея нрора.емннхъ зам-*

мызъ—отъ полвѣстной церкви. Епископу, именно, дана даръ благодати, чтобы "пастыи", такъ какъ безъ такого вожацтва Церковь земная можетъ сбиться съ пути. Пастырю приходу этихъ даровъ не дано, и его единственное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы молитвенно объединять и по возможности върующихся. Всякая же попытка формально организовать эту молитвенную единицу можетъ лишь внести въ нее и въ самую Церковь такіа начала единенія—не органически и не молитвеннаго, которыя противоположить въ мѣстной церкви дано "благодатью управленія" епископу, но не дано іерее, и который, какъ показывають попытки формулированія приходскаго строя, лишь угрожаютъ, подъ салыми прерасными предлогами, обратитъ приходъ въ нѣчто, не только не пмѣющее утвердитъ, а молуще только расплыватъ истинную церковную жизнь. Если приходъ поддѣтся приманкамъ "одрывать собственными силами на всѣ запросы жизни", то можно опасаться, что, подъ покровомъ члвчвго, необходимой для сего регламентации, онъ сдѣлается члвчвго, сначала поду-церковнымъ, а, чего добраго, подъ конецъ вѣвма, "самочиннымъ". Приходъ, думаемъ мы, есть та бытовая, естественная почва, на которой должны себя совѣстно проявлять члвчво духовные и, особенно, естественно-общественныя запросы върующихся, съ одной—и учительско-наставлкая дѣятельность пастырей съ другой стороны. т. е. то, что соотвѣвствуетъ самую существовающую часть истинно церковной жизни. И въ этомъ отношеніи приходъ можетъ и долженъ почитаться "основой общецерковной молитвенной организации". Церковь, объединяющаяся изъ приходовъ, гдѣ тепло и усердно молятся, и гдѣ пастыри словомъ и дѣломъ насаждаютъ слово Божье—такая церковь будетъ сама и жива, и прѣвнца, и духовно къ тому же свободна, ибо гдѣ духъ Христовъ, тамъ свобода (но не обратн). Простой народъ это живо понимаетъ, и потому всѣ свои надежды обращаетъ именно на то, чтобы создаваемая имъ въ себя духовная немощь находила восполненіе въ благихъ пастыряхъ, и въ реформы формъ не вѣрять.

Гдѣ же искать и какъ найти такихъ, по возможности, идеальныхъ пастырей? Вотъ, по-нашему, вса задача, дѣвствительно предлежащая высшей церковной власти, будь она счвчодальвая, патриаршая, руководимая соборами или даже временно представляемая сама собой, до тѣхъ поръ, пока истинная соборность не оживаетъ по духу, а не по одному новѣйшему законоположенію.

III.
П А С Т Ы Р Ь.

„Пастырь и овцы“ въ На примѣръ отца Иоанна Кронштадтскаго Евангелии и въ намъ видѣть, чего именно ждается народъ родномъ сознании. православыи для своего церковнаго устройства и въ чемъ полагають найти искони имъ желаемое духовное основаніе церковной жизни. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, простецы являютъ себя болѣе чуткими къ истинному пониманію того, что „на потребу“, чѣмъ тѣ, которые себя почитаютъ (и, конечно, въ нѣкоторомъ смыслѣ основательно) „мудрыми и разумными“. Русскій челоувѣкъ испоконъ вѣка являетъ въ себѣ много весьма страднаго и не легко объяснимаго. С. А. Рачинскій очень вѣрно говоритъ, что, хотя русскій народъ давно крещенъ, но доселѣ остался почти не оглашенъ проповѣдью евангельскою: это, пожалуй, подтверждается исторіей распространенія христианства въ Россіи. Но ядомъ съ этимъ мы вынуждены въ этотъ народъ, какъ бы неотглашенномъ, такое подтѣхное живенное пониманіе Евангелія, котораго плетено приходится искать между дилеммизирующими богословами. Евангеліе строятъ церковью на схемѣ: „пастырь и овцы“. Тотъ, кто напередъ строятъ Себя „Пастыремъ овецъ“, который „гласъ Ере слышатъ и по Немъ идутъ и т. д., поручить дѣло пастырбы овецъ замѣняющимъ Его пастырямъ: „наси овцы Мои“. И это дѣло пастырбы овецъ пастыремъ добрымъ такъ живо и такъ просто проникло въ народное пониманіе схемы церковнаго строя, что у насъ, по крайней мѣрѣ, для христианна-крестьянина, церковью представляется въ видѣ конгломерата отъчужденныхъ, объединенныхъ молитвой, стадъ церковныхъ овецъ, подъ руководствомъ дорогаго пастыря, поучающаго не столько словомъ, сколько дѣломъ, какъ оупществлять ученіе Христова и жить по-Божьи. Храмы для народа—это, такъ сказать, Христова овчарня, въ которую овцы заходятъ для елнненія въ молитвѣ, и тутъ-то священникъ-молитвенникъ является въ полнотѣ своей церковной роли, т. е. *молитвеннаго пастыря*, и именно таково, отъ котораго плутъ только духовнаго водительства, а не какого-либо иного, какъ думаютъ нѣкоторые интеллигентные рачители о благѣ церковномъ. Отецъ Иоаннъ гласъ именно и былъ слышенъ въ народѣ, что онъ вызывалъ только молитвенные запросы и имъ служилъ собственнымъ примѣромъ; гласъ же объясняется и то, почему такъ мало вліяютъ на народъ Отношеніе народа къ пастыри, мнѣніе служащихъ пѣлякъ общенациональной кутурны, до учительства школьнаго включительно. Священники хозева, пчеловоды, врачы и т. п.—представляются крестья-

знакъ дѣлающимъ дѣло, можетъ-быть, и хорошее, но не священническое, и, какъ сказано выше, даже пшольное учительство считается въ народѣ дѣломъ не священническимъ по существу. Одинъ очень ревностный къ учебному дѣлу священникъ съ удивленіемъ говорилъ, что его прихожане никакъ не могутъ понять, что учительство это такая же обязательная для него функция, какъ и богослуженіе, совершеніе таинствъ и т. д. Для народа—рыбаемъ мы это утверждать—приходъ есть единица молитвенная, и пастырь—руководитель въ молитвѣ (понимая, конечно, такую въ ея Пастырь-молитвен- живомъ всеобъемлющемъ значеніи, а не нинѣ и приходъ. только въ ритуалистическомъ). Овсуда по-лучается то очень замѣтное для вѣкаго явленіе, что народъ у насъ охотно подчиняется такому, такъ сказать, молитвенному пастырю и очень не охотно поддается вліянію пастырей благочестиво-дѣловитыхъ, по типу католическихъ пастырей, дѣятельность которыхъ почти всегда заходитъ за предѣлы чисто духовныя. Тотъ же отецъ Иоаннъ Кронштадтскій извѣстенъ всей Россіи, какъ молитвенникъ и безеребренникъ; но кто же въ народѣ его читаетъ, какъ устроителя домовъ трудолюбія, хотя, конечно, и это тоже очень почетное его населженіе? Въ пастырь православною народъ хочетъ видѣть лицо, по возможности оупществляющее чисто христианскія добродѣтели, лицо * идеальное, а не утилитарно-полезное: таковыхъ онъ охотно ищетъ индѣ и умѣетъ ихъ по-своему, но иначе, дѣлать.

Въ пастырь мы всѣ ждемъ найти типъ для почитанія по мѣрѣлу христианскому, и таковое почитаніе вовсе не представляеть формальнаго подчиненія вліянію, какое почти всегда сопровождаетъ дѣятельность чинамъ католическими пастырями и протестантскими пасторами, особенно сельскими. Православное отношеніе къ пастырю есть выраженіе истинно-христианскаго начала церковнаго чиноначалія, иущаго руса объ руку съ илеи христианской свободы, коей такъ дорожила всегда православноя Церковь, и которая составляетъ отличительную черту ея отъ всѣхъ другихъ христианскихъ исповѣданій, вѣчно колеблющихся между двумя полюсами: властнаго авторитета и елмочинія.

Церковъ должна быть пасома, и, конечно, чтобы она пасадъ на, пажитяхъ злачныхъ“, у „волѣ покойныхъ“, требуются пастыри, евоица на высоту своего призванія и, конечно, при условіи жегланія овецъ быть волдыми. При этихъ условіяхъ получаютъ тѣ два фактора, изъ которыхъ слалается вся Духъ христианства въ церковная дисциплина. Оттого народъ руснардномъ его понини, пониманія духа христианства чуткѣмъ, знаначала сталъ искать пастырей добрыхъ и, вѣроятно, находитъ таковыхъ, хотя бы мы и не знали именъ

большинства из них. Только чрезъ таковыя пастыри: не столько, можетъ-быть, дѣйствовашихъ словомъ, сколько поучившихъ дѣломъ, получили то явленіе, о которомъ было сказано выше, что русскій народъ уразумѣлъ христіанство то существомъ его, хотя почти ничуть не способенъ былъ выдерживать того испытанія въ вѣроученіи, которое у западныхъ требуется для „конфирмаціи“. Конечно, нельзя не желать, чтобы въ народѣ развивалось и болѣе сознательное „знаніе“ вѣры, являлось съ ея жизненными пониманіями („Молось духомъ“, говоритъ Апостолъ, „Молось и умомъ“), но пока это жизненное пониманіе все-таки руководило религиозной жизнью народа настолько вѣрно, что онъ въ главныя вопросы церковной жизни стоялъ и стоялъ на твердой почвѣ. И теперь, когда только и говорятъ, что о формальныхъ измѣненіяхъ „порядковъ“, тѣло церковное взыскаетъ лишь объ одномъ—о томъ, чтобы ему дали духовную жизнь плещу, каковую призваны излучать для него добрые пастыри, знающіе, гдѣ „нажиты значенія и воля покойныя“. Такие пастыри, думаемъ мы, были у народа во всю его допетровскую исторію, и, главнѣйшій образцомъ, они исходили изъ той живой школы, которая гаскъ или иначе завѣршалась въ монастыряхъ и ихъ подвижникахъ. Посему, въ народѣ досель такъ чтятся именно подвижники-пастыри, которыхъ народъ почитаетъ настоящими жезлами своими, хотя бы отъ нихъ не осталось ни слова поученія, а только одна сдѣла ихъ праведнаго житія, суть котораго сводится къ одному: „не любите міра, ни того, что въ мірѣ“, а вовеки не забывайте въ наставленіяхъ о томъ, какъ благоустроить земную жизнь, хотя бы и подъ сѣнью креста, чего такъ усердно ширять, которые хотятъ создать въ приходкахъ именно ячеики земного благоустройства христіанской церковной общины.

Такихъ пастырей, которые соотвѣтствовали бы требованіямъ пасомыхъ по отношенію къ духовному водителству,— ихъ-то жалеть надо, а для того, чтобы таковыя у насъ явились, надо, чтобы они были такъ или иначе близки къ народу по бытованію по-прежнему и на-стоящимъ и по строю язанія, т. е. именно такъ-таки, каковыя были тѣ невѣдомые намъ по имени, но несомнѣнно существовавшіе до навѣснаго времени пастыри, которые „допали“ своею до тѣхъ временъ поствѣднскихъ, когда оно утрачено, вельдѣствіе историческихъ судебъ, духовное водительство пастырей, благодаря чему масса русскаго народа осмѣлась „спроу“. Священники-пастыри теперь почти что нечего и искать, развѣ только въ городкахъ, гдѣ они прѣсолько слѣпцы съ средою, къ которой для пастыря приставлены. Священники-пастыри

генны иногда съ устхокомъ и теперь дѣйствуютъ въ интеллигентной или полу-интеллигентной средѣ городского населенія. Но въ деревняхъ уже почти нельзя найти такого типа іерея, о какихъ тѣсно взыскаетъ народъ, и прѣстѣвители таковыя онъ какъ бы нашелъ въ отцѣ Иоаннѣ.

Общественная иде-аль пастыря. Чѣмъ же предѣляется народу отцу Иоанну? А именно тѣмъ, чѣмъ по народному понятію пастырь долженъ быть: неустаннымъ молитвенникомъ и совершеннымъ нестяжателемъ. Таковы, дѣйствительно, идеалъ пастыря, не только простонародный, думаемъ мы, во и легаль и общецерковный: и вотъ, такихъ-то пастырей и нужно церкви нашей для того, чтобы она возродилась духомъ при теперешнихъ или при иныхъ административныхъ регламентахъ, которые будущій соборъ и, можетъ-быть, будущій патриархъ для нея придумаютъ. Нельзя, однако, сказать реинтегри духовнаго проясненія, допустить, чтобы одна религиозно-нравственная сторона иечерпывала все значеніе христіанскаго пастыря. Вѣдь, крокъ того, чтобы учить прихромъ, необходимо, чтобы пастырь пастырялъ пасомыхъ въ вѣрѣ, сообщая имъ догму того ученія, которое они должны извѣстиво проявлять къ жизни. На это вполнѣ въсвое замѣчаніе можно многое отвѣтить. Конечно, пастыремъ не можетъ быть тотъ, кто не знаетъ, куда, на какую палку вѣсти овецъ.

Но о такой крайности не можетъ быть и рѣчи. Однако, если пастырями, даже по смерти папущими церковь, могли быть неученые преп. Сергій и Іуріе, до св. Серафима Саровскаго выключительно, то почему, непременно, надо почитать, что лицо неинтеллигентное въ наши дни не можетъ руководить людьми по пути ко спасенію? Вѣдь сама Церковь раздѣляется въ своемъ кулѣть „пастырей“ и „учителей“, и, какъ пастыри всенародныя этого разнеченія, могутъ стѣвлять, съ одной стороны, предѣстѣвители пастыря—Николай Чулговорецъ или Спиритонъ Тримифутскій и др., а съ другой стѣвлять учителя всенародны: Василий Великій, Аваисій, Златоустъ и др. При этомъ надо закѣпить, что у насъ народное почитаніе гораздо болѣе на сторонѣ пастырей, чѣмъ учителей.

Современное пастырство и монашество. Сознать ли наши пастыри свою отчужденность отъ пасомыхъ (подъ пастырями стѣвлять понимать и архипастырей), или нѣтъ? Вѣроятно, да, потому что едва ли можно жить отчужденно, и не чувствовать этого! Современный священникъ для прихожанина, особенно деревенскаго, является лицомъ, ничего не дѣлающимъ иначе, какъ за плату, хотя бы и маляго: духовнаго общенія нѣтъ, такого, которое устрядило бы всякую плѣчу платя. И это, конечно, въ большаинствѣ случается, вовеки не

служенье іерейской жадности: никто, въдь, докторовъ не обвиняетъ за то, что они не дѣлають визитовъ безплатно; это есть послѣдствіе того эпитейского отчужденія, которое доводитъ до минимума сношенія безплатными и оставляетъ на виду „только платныя“.

Пастырь-молитвенникъ, трудящійся безплатно и даже разажошій получаемое, какимъ является о. Іоаннъ, не можетъ не служить предметомъ всеобщаго удивленія, а за сямъ—и общаго народнаго почитанія. Тѣми же истинными пастырями являются народу (и не одному простонародью) Оптинскіе старцы: и надо къ этому добавить, что вообще въ народѣ черное духовенство окружено болышнимъ ореоломъ, чѣмъ бѣлое, именно потому, что народъ видитъ въ инокахъ молитвенниковъ, а съ возможнѣмъ ихъ средородіемъ встрѣчается на почвѣ лишь „доброродныхъ“ приношеній. Когда дѣло пастырства обращается въ достояніе пасты, т. е. изъ дѣла призванія дѣлается просто вопросомъ питанія, то, конечно, элементъ идеальныи все болѣе и болѣе уступаетъ чисто бытовымъ, матеріальнымъ интересамъ. Хотя нельзя не признать, что нѣкоторые насльдствственность въ заплатахъ всякаго рода имѣетъ свои достоинства (у насъ, пастырство по при- напир, нельзя не признавать, что суровыи званіи и сесловныи жизнь сельскаго духовенства очень способствуй духовенства, ствуетъ выработкѣ тѣмъ характеровъ, которые нужны для прохождениеи тяжелаго съ вышней еторныи служенія церковнаго); но если рѣзкая насльдствственность не желательна, то во всякомъ случаѣ она должна быть все-таки подчинена вышнимъ идеальнымъ требованиямъ *приванія*. И, слѣдовательно, все, что можетъ облегчить выходъ изъ духовнаго званія непризванныхъ, и рѣшомъ съ этимъ все, что можетъ облегчить доступъ къ церковному служенію людей, призванныхъ къ этому, не только желательно, но необходимо.

Въ сущности теверенннхъ духовнаи среда огнается, при вѣхъ возможнахъ условіяхъ, господствующей въ дѣлѣ служенія аггара, но ея служеніе будетъ только тогда плодотворно, когда она сама очистится отъ присутствія въ ней тѣхъ элементовъ, которые теперь лишь дискредитируютъ духовное сословіе, на томъ даже, можетъ быть, только основанн, что „дурная слава бѣжитъ, а добрая дѣлится“. Къ тому же несомнѣнно, что и добрые элементы духовнаго сословія нѣсколько наклонны къ пасивности, въ виду сознания, что копкурренціи нѣтъ. Можно сьго надѣяться, что, если въ среду епархіальнаго духовенства вступитъ нѣсколько десятковъ людей изъ другихъ сословій, истренне преданнахъ своему дѣлу, то они съ ползвой воздѣйствують на сотни лишь изъ того же духовнаго сословія, которыи

только потому себя не проявляютъ съ наилучшей стороны, что нѣждаются въ вышнемъ сплуглѣ, въ поддѣржкѣ, и пока—не находять оной...

Духовенство, воспитываемое въ своихъ сословіяхъ нѣ науо об- словныхъ училищахъ, начиная съ „началь- шества и народа, ныхъ“, до такой степени принимаетъ типъ, чуждый и народу, и обществу, что оно прямо лишается возможности каменно воздѣйствовать какъ на одною, такъ и на другое. Для народа—священники суть трагедія, которыи онъ не понимаетъ, а они, съ высотъ своего богословскаго міросозерцанія (если только оно у нихъ серьезно есть, въ чемъ позволительно сомнѣваться), его даже и не стараются понять; для общества же духовенство является чѣмъ-то вовсе чуждымъ, потому что оно со своими духовно-техническими знаніемъ совершенно лишено того, что называется культурой, въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. стравляетъ тѣмъ, чѣмъ страдаютъ почти всеи разнородные текники, которыи этотъ недостатокъ прощается лишь потому, что къ нимъ прикѣняются нныи требованія, чѣмъ къ тѣмъ, которыи истинное призваніе—руководить по пути христіанскаго прозвѣщенія, а такое, какъ выше, непремѣнно всеобщее. Эти недостатки, конечно, могли бы исправляться въ значительной степени, если-бы, по крайней мѣрѣ, въ специальна-духовныхъ школахъ давалось строгое-церковное духовнаи школа и воспитаніе. Если-бы изъ семинарій и акаде- ей реформы.

мій выходили люди дѣйствительно церковные и по понятіямъ, и по вкусамъ, и по жизни, то съ другими ихъ недостатками можно легко бы помириться мирянамъ; истинная любовь къ Церкви, даже въ тѣломъ смыслѣ храма, въ кондѣ-концовъ вѣхъ объединила бы. Но въ этомъ именно отпощенн кастическій строй себя наиболѣе изощряетъ и въ концѣ губитъ; ибо школы съ высшими задачами, въ которыи поступаютъ, безъ разлнціи, и чувствующіе призваніе, и вовсе не чувствующіе такового, каковыи теперь, когда духовное сословіе размножилось, елишкомъ достаточно, и всеи они смотрять на прохождениеи черезъ училища и семинаріи лишь какъ на путь для достиженія вовсе не церковныхъ должностей,—таки школы не могутъ даже и сохранять въ себѣ церковнаго духа въ отпощенн дисциплины и вышней, и внутрешней; и, конечно, выходящіе изъ нихъ даже хороше юноши далеко не являются ни народу, ни обществу тѣхъ жегинныхъ служителей аггара, которыи самими дороже всего „привлечь въ дому Господнекъ“. Событія послѣднихъ временъ ясно доказали, что, въ отпощенн нравственномъ, духовныи школы ничуть не лучше свято- екихъ, и при этомъ очень ясно выказалось, въ чемъ дѣло. Почти всеи требованія семинаристовъ сводились къ получе-

нию правъ, равныхъ гимназическимъ; и это вложить естественно. Загнанныя поневоля въ духовныя училища, дѣти духовенства, для котораго эти училища являлись единственно и воспитательными въ отношеніи расходовъ на на обученіе, стремились выйти изъ нихъ на свободу для пріисканія другихъ профессій. Но тогда ясно становился и другой, что весь вопросъ объ образованіи пастырей сводится къ тому, чтобы не было больше такихъ условий воспитательныхъ, при которыхъ непріятныя поощряться искусственно къ поступленію въ священническое званіе, призывные же изъ другихъ сословій искусственно удерживались отъ поступленія въ священнический чинъ, и чтобы учрежденныя для будущихъ пастырей учебныя заведенія были доступны всѣмъ прошедшимъ извѣстное общее образованіе, а не начинались бы съ почти младенческаго возраста, какъ теперь; раздѣлять же чело получается въ „кончалкахъ“ семинаристахъ такое пресѣщеніе даже Св. Писаніемъ, какое получается въ воспитаніи свѣтскомъ отъ обученія музыкѣ и рисованію съ раннихъ лѣтъ. Свѣтскія дѣти, при первой возможности, бросаютъ живопись и музыку, а кончалые семинаристы—почти уже никогда больше не берутъ въ руки Писанія, кромя какъ для литургическихъ цѣлей. Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, устроенныхъ для учениковъ, довольно избранныхъ путь священства, очень легко будетъ установить дисциплину, построенную на началахъ церковности бытовои; и изъ такихъ школъ, навѣрное, будутъ выходить пастыри, любящіе свое дѣло; и этихъ разрынитеся вопросъ о единеніи пасомыхъ съ пастырями на почвѣ любви къ Церкви и къ ея вышнему выраженію—храму. Выше было, однако, замѣчено, что пастырство не безусловно неотдѣлимо отъ словеснаго учительства. Пастыремъ разумно стадо нервато и гораздо лучше дѣломъ, примѣромъ, чѣмъ однимъ словеснымъ поученіемъ. Если-бы это положеніе было принято во вниманіе больше, чѣмъ это дѣлается теперь, то, вѣроятно, епископы чаще пользовались бы и теперь амьюничей у нихъ право въводить на церковныя степеніи лицъ, извѣстныхъ своимъ нравственнымъ достоинствомъ, хотя и не прошедшихъ формальнаго богословскаго курса, но, конечно, настолько свѣдущихъ въ ученіи и знающихъ съ ритуаломъ, насколько это необходимо для вѣрнѣшаго имъ дѣла. Если Апостолъ могъ сказать, что „буви міра избра Ботъ, да преударя поарамитъ“, то отчего же нельзя допустить, что для полезнаго служенія Церкви нужны вовсе не свѣдѣтельность и дипломъ. Эти послѣдніе въ сущности очень недавняго происхождения; и если-бы они были, вѣдѣтельными, очень нужны для проповѣди вѣры, то, вѣроятно, нашъ Церковь завела бы ихъ издавна, или сама бы

извелаъ. Одинъ изъ самыхъ опасныхъ симптомовъ нашей русской по вѣкъ неправдымъ жемчугатуръ—это погнѣненіе дипломакъ. Чѣмъ меньше дѣннтся сущность, тѣмъ больше выставляются реформъ форма И, къ несчастью, наша церковная жизнь такъ глубоко прониклась этими формальностями, что въ ней дипломопогнѣненіе острѣе, чѣмъ во вѣдѣхъ другихъ вѣдѣствыхъ. Какими же послѣдствыи сего? Это кажется, вѣдѣль, очевидно.